

СЕРБСКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.

Я.В. Вишняков

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

На основе документов фондов Российского государственного военно-исторического архива, многие из которых впервые вводятся в широкий научный оборот, автор раскрывает детали создания и деятельности Сербского добровольческого корпуса, сформированного в Одессе из пленных солдат и офицеров австро-венгерской армии в 1916 г. и летом-осенью того же года принявшего боевое крещение в Добрудже в составе отдельного корпуса русской армии под командованием генерала Зайончковского. Интерес исследователей к деятельности национальных и «интернациональных» воинских формирований связан прежде всего с вопросом о целесообразности, а главное – об эффективности использования таких частей против стороны, за которую они ещё не так давно проливали кровь. Автор, вопреки распространённому мнению сербских историков, показывает, что призыв вступать в ряды Первой сербской дивизии не вызывал массового энтузиазма среди военнопленных, как сербов, так и представителей других югославянских народов, что связано с обоснованным опасением за судьбу своих, проживающих на территории Двуетной монархии близких родственников, так и достаточно комфортным пребыванием в русском плену. Автор при этом подчёркивает, что данное воинское подразделение, командный состав которого составляли офицеры сербской регулярной армии, рассматривался политическим руководством Сербии, как основа будущих вооружённых сил нового государства – Югославия. Показано влияние событий Русской революции 1917 г. на дальнейшую судьбу этого воинского формирования, многие солдаты которого оказались по разные стороны баррикад в разгоравшейся в тот период в России Гражданской войне. Особое место уделяется рассмотрению вспыхнувшего в корпусе межнационального конфликта между сербами с одной стороны и хорватами и словенцами с другой. Автор вводит в научный оборот значительный корпус документов, показывающих нюансы отношений, сложившихся в корпусе между представителями различных югославянских народов. В статье подчёркивается, что взаимоотношения сербов, хорватов и словенцев внутри добровольческого корпуса стали прологом будущей трагической судьбы югославского государства и его армии, изначально обречённых на развал.

Ключевые слова: Первая мировая война, Русская революция, Добруджа, Сербия, Сербский добровольческий корпус, М. Живкович, А.М. Зайончковский.

УДК 93/94

Поступила в редакцию 03.09.2017 г.

Принята к публикации 25.10.2017 г.

Участие югославянских добровольцев в боях держав Антанты и союзы им стран против четвертного союза во главе с Германией и Австро-Венгрией получило широкое освещение в трудах отечественных и зарубежных, прежде всего сербских, историков. В научный оборот вовлечён значительный корпус документов, освещающих их роль в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны¹.

С конца 1914 – начала 1915 гг. в России стали формироваться добровольческие формирования югославян, куда вступали главным образом пленные и дезертиры из австро-венгерской армии, преимущественно сербы [1, с. 8–9]². Изначально эти отряды предполагалось перебросить по Дунаю в Сербию для пополнения рядов её армии, но после поражения последней осенью 1915 г. формирование сербских добровольческих частей решено было продолжить для их отправки на Юго-Западный фронт. Интерес исследователей к деятельности «интернациональных» воинских формирований, составленных из бывших солдат и офицеров армии противника, связан прежде всего с вопросом о целесообразности, а главное – об эффективности использования таких частей против стороны, за которую они ещё не так давно проливали кровь.

По данным сербских историков, в течение 1916–1917 гг. через этот корпус прошло в общей сложности около 70 тыс. добровольцев, движимых как они отмечают, стремлением к национальному освобождению. Эти историки особо подчёркивали, что из-за плохой организации и различных проволочек при создании корпуса он изначально не смог принять всех добровольцев [2, с. 128; 3, с. 293].

Однако на наш взгляд, эти данные существенно завышены. Документы Российского военно-исторического архива показывают, что призыв вступать в ряды Первой сербской дивизии не вызывал массового энтузиазма среди военнопленных, как сербов, так и представителей других югославянских народов³. Например, Смоленский предводитель дворянства князь В.М. Урусов 10 октября 1916 г. писал начальнику штаба Верховному главнокомандующему М.В. Алексееву: «При об-

¹ См. например: Југословенски добровољачки корпус у Русији. Београд, 1954; Очак И.Д. Из историје учешћа југославјана у борби за победу советске власти у Русији 1917–1921 гг. // Октабрска револуција и зарубежне славанске народи. М., 1957. С. 271–327; Груловић Н. Југословени у рату и Октабарској револуцији. Београд 1962; Југословенски добровољци 1914–1918. Зборник докумената. Београд, 1980; Југословенски добровољци у Русији 1914–1918. Београд 1977; Поповић Н. Србија и Русија 1914–1918. Београд, 1977; Учество југославјанских труђајућих у Октабрској револуцији и грађданској војни у СССР. Зборник докумената и материјала. М.: Наука, 1976; Зеленин В.В. Под красним знаменем Октабра. Југославјанске интернационалисте у Советској Русији 1917–1921. М.: Мисль 1977; Петровић И. Српски добровољци 1912–1918. Бројке и судбина. Нови Сад, 2001; Лобачёва Ю.В. Сербия, Југославјански комитет и сербо-хорватско-словенска емиграција у Америци у 1914–1916 гг. // Славјановедение. 2007, № 4. С. 12–28; она же. Југославјанско покретњење у Америци у године Прве светске војне 1914–1918 гг. М.: СПб., 2014; Вишняков Я.В. Тимофеев А.Ю. Милорадовић Г. Армија без државства. От сербског к југославјанском добровољачком корпусу у Русији во време Прве светске војне: сб. док. М., 2014; Мицић М. Незапамћена битка. Српски добровољци у Русији 1914–1918. Ново Милошево, 2016.

² Российский историк В.В. Зеленин отмечал, что «к сентябрю 1917 г. в России было около двух млн. военнопленных, из которых почти 80% – солдаты и офицеры австро-венгерской армии, в том числе более 300 тыс. югославян». [4. с. 8–9]

³ Имеющиеся в фондах РГВИА именные списки находящихся в лагерях Российской империи военнопленных-славян и статистические данные их опросов позволяют установить, что массового, повсеместного желания вступить в ряды Первой сербской дивизии не наблюдалось.

мене мнений на заседании Собрания г.г. Предводителей и Депутатов дворянства, имевшем место быть 8 октября 1916 г. выяснились некоторые обстоятельства, свидетельствующие о ненадёжности громадного большинства пленных, вызванных для формирования сербских контингентов, так, например, при опросе, произведённом в одном из уездов при посредстве лица, владеющего сербским языком, из 118 пленных югославян только четыре высказали своё желание сражаться за Сербию (два учителя и студента), остальные, даже после горячей речи, обращённой к ним названными лицами, категорически отказались, и, возражая убеждавшим их товарищам, говорили: «нас уже опрашивал сербский офицер в Дарницком лагере и мы тогда уже отказались, так как мы не можем сражаться против войск, в рядах которых находятся наши близкие, помимо сего, если будет обнаружено наше пребывание в рядах русских войск, нашим семьям на Родине не жить». Подобное же настроение наблюдалось и в других уездах, где поголовного опроса не производилось. Признавая всю важность этих обстоятельств, г.г. Предводители и Депутаты Дворянства сочли своим патриотическим долгом просить меня довести о сём до сведения Вашего Высокопревосходительства»⁴.

Многие из пленных не желали поступать в сербские полки из-за вполне понятного опасения за судьбу своих семей, проживавших на территории двуединой монархии. Вступление в корпус автоматически делало их предателями и дезертирами со всеми вытекающими отсюда последствиями как для них самих, так и для их ближайших родственников.

Отказ поступать в формируемый сербский корпус имел под собой и вполне прагматические основания. По сравнению с военнопленными австрийцами и немцами многие пленные югославяне (прежде всего хорваты и словенцы) находились в более привилегированном положении, выполняя в глубоком тылу несложные сельскохозяйственные работы и имея весьма сносные условия существования. По словам генерала М.И. Эбелова, «будучи хорошо обставлены на полевых работах у сельских хозяев, которые, дорожа рабочей силой, не могли охотно пойти на лишение рабочих рук в страдную для хозяйства пору ликвидации урожая, военнопленные из югославян отказывались, за редкими исключениями, менять своё обеспеченное положение на тяготы военного похода» [4, с. 116]⁵. Имея в виду это обстоятельство, генерал Эбелов отдал ошибочное, как выяснилось впоследствии, распоряжение собрать всех, без различия национальностей, пленных югославян в Одессе, поскольку, как ему казалось, «здесь, среди добровольцев, уже согласившихся стать под сербское знамя, под влиянием патриотически настроенных коренных сербских офицеров, нужно было ожидать лучшего результата вербовки» [4, с. 116]. Все эти обстоятельства под влиянием революционных событий 1917 г. сыграли роковую роль в дальнейшей судьбе этого формирования.

⁴ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 483.

⁵ Эбелов Михаил Исаевич (1855–1919) – генерал от инфантерии. В годы Первой мировой войны занимал должность главного начальника Одесского военного округа. В 1919 г. расстрелян большевиками.

Первую сербскую дивизию было намечено сформировать в феврале 1916 г., специально прислав для её управления офицеров с острова Корфу. Как доносил представитель сербской армии при штабе верховного главнокомандующего полковник Б. Лонткевич, «зачислено на формирование сербских полков около 17000 нижних чинов и до 70 офицеров. Для замещения командных должностей выписаны офицеры из Сербии»⁶. Во главе её был поставлен полковник Стеван Хаджич, а начальником штаба стал подполковник Воин Максимович [5, с. 27]⁷. Прибывшие офицеры активно включились в формирование дивизии. В докладе штаба Одесского военного округа от 5 декабря 1916 г. подчёркивалось, что «быстрый рост этих частей и сбор добровольцев и боевая подготовка, главным образом легла на всех кадровых офицеров Сербского королевства»⁸.

Русское командование рассматривало Первую дивизию как самостоятельное воинское подразделение, признавая «необходимым придержаться сербской организации, несмотря на значительную особенность последней по сравнению с нашей»⁹. Таким образом, в основу комплектации были положены принципы, принятые в сербских вооружённых силах, при том что сама она, для удобства управления, была скомплектована по штатам дивизии, принятым в русской армии, а именно в составе четырёх полков, состоявших, в свою очередь, из трёх батальонов. Помимо этого, началось формирование и сербского запасного батальона. Первую дивизию предполагалось снабдить привычными для сербов австрийскими винтовками и пулемётами, также принятыми на вооружении в сербской армии, с чем, однако, возникли сложности. На начало января 1916 г., согласно рапорту начальника артиллерийского снабжения Юго-Западного фронта, «в запасах фронта» имелось всего лишь три исправных пулемёта и 9 000 000 патронов. «Последние, отмечалось в рапорте, могут расходоваться лишь по указанию Главнокомандующего»¹⁰. Отмечались трудности и при обеспечении дивизии лошадьми и артиллерией. При этом российское правительство выделило на обустройство штаба дивизии весьма значительную сумму: «На заведение необходимого, но не предусмотренного табелями имущества полагать бы отпустить из военного фонда управлению сербской пехотной дивизии 2000 руб. и сербскому запасному батальону 1200 руб., а всего 3.200 руб.»¹¹. В состав дивизии были включены и русские военные чины, прежде всего технический, медицинский и ветеринарный персонал и придана пулемётная команда. В середине мая 1916 г., во время визита в Россию, свежее подразделение осмотрел сербский премьер-министр Никола Пашич, а вскоре и сам российский император Николай II. Это говорит о политическом и военном значении, которое придавалось

⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 20–20 (об).

⁷ Максимович Воин (1876–1942) впоследствии стал известным сербским генералом, профессором военной академии, редактором газеты «Воин».

⁸ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 165.

⁹ Там же. Л. 18–20.

¹⁰ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 166. Л. 5.

¹¹ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 18–20.

новым сербским полкам, особенно после героического перехода сербской армии через горы Албании и Черногории с следовавшей затем эвакуацией её сильно поредевших частей на о. Корфу и переброской на Салоникский фронт. Сербский корпус рассматривался как единственный ресурс «в руках сербского правительства при возвращении его на родину, где всё мужское население в возрасте военнообязанных истреблено швабо-болгарами»¹².

К середине лета 1916 г. комплектование было в основном завершено, и Первая сербская дивизия была расквартирована в районе Одессы и Александровска (ныне Запорожье). Несмотря на проведённые торжественные смотры, русское командование ставило под сомнение боеспособность сербов, причём не только по чисто военным характеристикам. В апреле 1916 г. штаб Юго-Западного фронта подчёркивал: «сербскую же дивизию, формируемую из военнопленных, принимать в расчёт пока нельзя, так как она может быть вполне пригодной к бою не по окончании её формирования и обучения, а по выяснении надёжности личного состава, как офицерского, так и нижних чинов, на что потребуется известное время»¹³. Но в условиях войны времени на выяснение «надёжности личного состава» не оказалось, и в первоначальные планы по использованию корпуса пришлось внести существенные коррективы. Сербским частям вскоре довелось принять боевое крещение в боях за Добруджу в составе отдельного 47-го корпуса русской армии под командованием генерала А.М. Зайончковского. На решение Ставки отправить Первую сербскую дивизию на фронт в Добруджу, видимо, повлияла успокоительная телеграмма генерала Н.А. Маркса¹⁴, горячего сторонника формирования сербской добровольческой дивизии: «Я близко интересовался составом сербской дивизии, бывал в лагере, собрании на учениях, приглашал к себе. Все полковые, батальонные и половина ротных – сербы с Корфу, остальные офицеры из военнопленных, большинство пошло по видимому, чтобы улучшить своё положение и весть о походе не была принята с тем восторгом, с каким откликнулись коренные офицеры, однако вполне можно рассчитывать, что против болгар, за возможным случайным исключением, весь офицерский корпус пойдёт охотно. Я говорил перед уходом штаба дивизии с Хаджичем, он спокоен за состав вполне, но добавил, что в случае чего первому же колеблющемуся пойдёт пулю в лоб. Из дивизии Хаджичем было удалено три офицера, не подходивших по своим общеславянским идеям к роли сербского офицера. Эти лица, вследствие ходатайства сербского посланника, не возвращены в лагерь военнопленных, а переданы в распоряжение сербской миссии. Затем, перед самым отъездом было отчислено шесть офицеров, которые по обследованию оказались подозрительными, наконец, была обнаружена цензурой ненадёжность одного офицера, высказавшегося иронически о присяге в письме; он лишён звания и выслан в Пермь. Что касается нижних чинов, то сложившее-

¹² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 82.

¹³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3059. Л. 342.

¹⁴ Маркс Никандр Александрович (1861–1921) – генерал-лейтенант, начальник штаба Одесского военного округа.

ся в обществе недоверие едва ли имеет основание. Солдаты оживлённо приветствовали поход и командиры частей убеждены в их добросовестности. В дивизию шли лишь те, кто не боялся за семью и имущество, тоже убеждение вынес и наш артиллерийский полковник, формирующий пулемётные команды, где все офицеры – коренные сербы, а нижние чины – из бывших военнопленных. Случаи дезертирства: были за три месяца 83 человека; некоторые вернулись, объяснив, что ходили подработать. Единственное серьёзное нарушение дисциплины имело место в третьем полку. Солдаты заявили офицеру, что они не будут исполнять его требований, как незаконных. Офицер этот из военнопленных был слишком строг и пересаливал на учениях, задерживая дольше других. Солдаты преданы полевому. Дело ныне перешло, согласно утверждённой ставкой порядка, в Военно-Окружной суд. Виновные в тюрьме. Моё личное мнение, что при успешном движении вперёд русских сил, дивизия при отличном кадровом составе коренных офицеров втянется в боевую работу»¹⁵.

Тогда же, летом 1916 г., по ходатайству полковника С. Хаджича было принято решение о формировании Второй сербской добровольческой дивизии, и обе дивизии было решено свести в единый корпус под командованием генерала М. Живковича, назначенного на эту должность 29 июля 1916 г. Работа по формированию корпуса шла довольно активно, причём подготовительные мероприятия по формированию Второй дивизии начались ещё до прибытия в Россию Живковича и офицеров сербской армии. «Помощник начальника первой сербской дивизии генерального штаба полковник Кушакович, оставленный начальником названной дивизии в Одессе для формирования запасного Сербского батальона, сообщил, что с острова Корфу 31 июля и 2 августа выехали в Одессу согласно указанию королевского сербского военного министра для формирования корпусного штаба и второй сербской дивизии генерал Живкович и офицеры. Одновременно сербский военный министр приказал полковнику Кушаковичу, не выжидая прибытия офицеров, теперь же начать формирование временного штаба второй сербской дивизии», – говорилось в донесении штаба Юго-Западного фронта в августе 1916 г.¹⁶.

В рамках данной статьи мы не будем останавливаться на подробном разборе добруджанских боёв. Отметим лишь, что общим обстоятельствам подготовки и хода этой операции посвящена обширная и весьма информативная работа российского историка В.Б. Каширина [5]. В современной отечественной историографии эта работа впервые раскрывает нюансы проведения операции и причины её неудачи. Автор справедливо отмечает, что история участия России в боях в Добрудже заслуживает написания отдельного монографического исследования [6]. В отличие от румын, в этих боях сербская дивизия показала пример мужества и героизма. В период с 25 августа по 16 октября 1916 г. из 19 000 человек списочного состава дивизия потеряла убитыми 35 офицеров, ранеными 195

¹⁵ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 166. Л. 127–128.

¹⁶ Там же. Д. 425. Л. 175.

и одного без вести пропавшего. Нижних чинов было убито 684, ранено 6 048, пропавших без вести 2 264 человек [7]¹⁷. Такие высокие потери объясняются в том числе отсутствием своевременных подкреплений. К началу сентября в Добруджу на пополнение рядов Первой сербской дивизии было отправлено 2000 солдат и 16 офицеров. А.М. Зайончковский, подчёркивая в своих телеграммах, что «одними высокими качествами русско-сербских войск, без большого количества штыков, здесь ничего не поделаешь»¹⁸, требовал новых подкреплений, причём не только рядового, а главным образом офицерского состава высшего и среднего звена. В телеграмме от 6 сентября 1916 г. он писал: «Доблестная сербская дивизия, ведя непрерывные упорные бои, понесла огромные потери, особенно в кадровых офицерах. Дабы сохранить ту же силу и тот же доблестный дух дивизии, очень прошу экстренно прислать из кадровых сербских офицеров, прибывших с Корфу, одного командира бригады, одного командира полка, четырёх командиров батальонов, и двенадцать ротных командиров»¹⁹. Не имея возможности вывести сербскую дивизию в тыл, командир 47-го корпуса требовал немедленно прислать в сербскую дивизию ещё 4000 солдат за счёт добровольцев формируемой второй дивизии. 17 сентября 1916 г. Зайончковский послал в штаб Юго-Западного фронта короткую телеграмму: «Пока вторая дивизия будет сформирована, первая будет уже уничтожена»²⁰. В других телеграммах он писал: «Полагаю, что лучше иметь одну цельную дивизию, чем две, неспособных к бою, тем более, что Первая сербская дивизия уже имеет свою отличную боевую спайку»²¹. Однако штаб Юго-Западного фронта так и не прислал подкреплений, в том числе офицеров высшего и среднего звена. Русское командование приняло решение о продолжении скорейшего формирования Второй сербской дивизии. При этом Ставка и лично Николай II в начале сентября 1916 г. отдали особое распоряжение «принять энергичные и быстрые меры по формированию второй сербской дивизии. Дивизия эта формируется в Одессе из югославян именно сербов всех местностей и вероисповедований, хорватов и словенцев, показавших уже себя с самой лучшей стороны на Добруджанском фронте. Судя по поступившим уже в штаб дивизии письменным заявлениям имеется весьма значительное количество пленных югославян, желающих вступить в ряды сербской добровольческой дивизии, и наиболее верным способом осуществления Августейшей воли был бы по-видимому безотлагательный вызов всех военнопленных югославян указанных выше народностей, находящихся в различных предприятиях в распоряжении земских управ и частновладельческих экономиях, к местным уездным воинским начальникам и командирование в управление каждого из них офицера сербской дивизии для опроса желающих

¹⁷ Перечень убыли Первой Сербской дивизии с 25 августа по 16 октября 1916 г. // РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 299.

¹⁸ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 218.

¹⁹ Там же. Л. 226.

²⁰ Там же. Л. 199.

²¹ Там же. Л. 233.

вступить в ряды дивизии и немедленного доставления их в Одессу, направляя офицеров-приёмщиков из Одессы в соответствующие окружные штабы для дальнейшего отправления по назначению распоряжением этих последних»²². В связи с просьбой Зайончковского в телеграмме, направленной 9 сентября 1916 г. на имя помощника начальника штаба Одесского округа, Д. Кушакович сообщал: «Действительные сербские офицеры, прибывающие с Корфу, назначены в состав II сербской добровольческой дивизии и таковых будет гораздо меньше, чем было в 1-ой Сербской добровольческой дивизии при её формировании, но всё-таки можно ставить в распоряжение начальника 1-ой добровольческой дивизии из действительных офицеров: одного полковника (командовавший пехотной бригады), одного полковника (кавалерии, командовавший кавалерийским полком и пехотным отрядом), одного пехотного подполковника и одного майора, которые придут на днях. На пополнение 1-й Сербской добровольческой дивизии отправлено из запасного батальона 1 сентября 16 запасных офицеров и 2000 нижних чинов. Прошу предписать начальнику 1-ой Сербской добровольческой дивизии рассчитывать только на это число нижних чинов и офицеров, которые теперь имеются в его распоряжении и вышепоименованных действительной службы, четырех штаб-офицеров, которые будут посланы начальнику 1-ой сербской добровольческой дивизии, тотчас по прибытии»²³.

Мужество сербских солдат не осталось незамеченным. Николай II и сербский монарх Пётр Карагеоргиевич передали через генерала Зайончковского особую благодарность и восхищение подвигом сербской дивизии [8, с. 72–73]. Командующий 47 корпусом ходатайствовал перед Ставкой о производстве её командира полковника С. Хаджича в генералы²⁴.

В конце сентября 1916 г. для поднятия боевого духа в Сербский добровольческий корпус из сербского подворья в Москве было передано знамя русских добровольцев, сражавшихся в сербо-турецкой войне 1876 г. под командованием генерала М.Г. Черняева. Популярный в те годы журнал «Искры», иллюстрированное приложение к газете «Русское слово», разместил на своих страницах фотографии этого события, снабдив их следующим комментарием: «После освободительной войны 1877 г. знамя русских добровольцев, сражавшихся в сербской армии, под предводительством генерала М. Г. Черняева, было привезено в Москву и в продолжение 40 лет хранилось в храме сербского подворья. Казалось, что оно исполнило свою роль, и как священная реликвия вечно останется в храме. Но судьбе угодно было, чтобы этот святой стяг, под сенью которого пали смертью героев за освобождение славян лучшие сыны России — Киреев, Раевский и др., чтобы это знамя снова заколыхалось, чтобы оно окрыляло тех же сербов, которые не раз с ним шли из боя в бой и которые остались верными сынами славянства. Увы, это знамя будет развеиваться как раз над Балканами, уже раз

²² РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 177.

²³ Там же. Л. 221–221 (об).

²⁴ РГВИА. Ф. 1837 Оп. 1. Д. 166. Л. 228.

освобожденными русскими, усеявшими их склоны бесчисленными могилами и залившими их потоками крови. Когда знамя осенит эти могилы, — а оно вскоре осенит их, — задрожат от радости кости героев, заколышется священный прах их, и могильная тишина их будет нарушена голосами братьев:

— Спице спокойно, родные. Около вас — свои.

26 сентября черняевское знамя при торжественной обстановке было отправлено в Одессу. Для принятия знамени в Москву приезжала специальная делегация сербских офицеров во главе с полк. Крестичем. От сербского подворья до Брянского вокзала знамя провожали войска с оркестрами музыки. В Кремле знамя склонили у подножья памятника Царю-Освободителю, где сербские офицеры возложили лавровый венок с надписью: «Благодарные сербы — великому Царю-Освободителю». По пути следования шествия везде толпился народ» [3]²⁵. Ныне это знамя – ценный экспонат сербского военного музея в Белграде.

Однако тогда же, в августе 1916 г., возникли первые трудности с вербовкой новых добровольцев во Вторую дивизию. К 31 августа 1916 г., когда Первая сербская дивизия уже вела активные боевые действия под Добруджей, «в запасном батальоне, и для пополнения возможных потерь 1-ой дивизии, и для формирования V-го и VI-го полков имелось всего 2706 человек, ещё не вполне испытанных, хотя и приведённых наспех к присяге сербскому королю»²⁶. Именно эти две тысячи человек, как мы упоминали выше, в начале сентября были отправлены на фронт для пополнения рядов Первой дивизии. Тогда же, в начале осени 1916 г., во Второй дивизии стали наблюдаться частые случаи нарушения воинской дисциплины. Как следует из рапорта её командира полковника Дмитриевича главному начальнику Одесского военного округа от 31 октября 1916 г., «некоторые скверные солдаты продают некоторые вещи своего солдатского снаряжения». И хотя, по его словам, «предпринято всё, чтобы это больше не повторялось», он настоятельно просил русские военные власти выдать специальное распоряжение, «чтобы не смело ни одно гражданское лицо покупать от солдат их солдатские вещи, их солдатское снаряжение ни под каким видом, и что всякое пойманное лицо со стороны властей будет самым строгим образом наказываться»²⁷. Кроме того, согласно справке по судному отделению Штаба Одесского военного округа, с 17 августа по 27 ноября 1916 г. из Второй дивизии самовольно отлучились 250 человек, из них 165 в ноябре, что, как мы увидим далее, было далеко не случайно²⁸.

²⁵ После Октябрьской революции значительная часть остатков корпуса оказалась на русском севере, в Мурманске, ставшем для них своеобразным «окном в Европу» – перевалочным пунктом перед отправкой на родину. На фоне распада корпуса, в августе 1917 г. знамя было передано сербскому запасному батальону, весной 1918 г. также переброшенному в Мурманск. Особо примечательно, что именно под этим знаменем сербские солдаты и офицеры приняли участие в антибольшевистской борьбе на русском Севере в 1918–1919 гг., покинув Мурманск только в октябре 1919 г. Черняевское знамя вместе батальонным архивом было передано военному министерству в пригороде Белграда Земуне 24 декабря 1919 г. См. подробнее [3].

²⁶ РГВИА. Ф. 2003. Д. 330. Л. 14 (об).

²⁷ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 286.

²⁸ Там же. Л. 317.

Первоначально Первая дивизия была отведена в Измаил на перекомплектование. 20 ноября 1916 г. в телеграмме на имя начальника штаба Одесского военного округа полковник Хаджич сообщал: «Некомплект оружия в сей дивизии следующий: винтовок 6969, карабинов 298, сабель 294, револьверов 494, пулемётов 29, седел 79, лошадей верховых 115 и обозных 126, повозок 5, патронных двуколок 6, кинжалов 276 и 2 кухни. В I сербском артиллерийском дивизионе некомплект 390 лошадей, вьючно артиллерийских 25, двуколок с упряжью 5»²⁹. К середине ноября 1916 г. в Измаиле в составе Первой сербской дивизии находилось 418 офицеров и 10 735 нижних чинов. В дивизии числилось 3 680 лошадей, 718 парных повозок, 628 двуколок, 13 орудий, 48 зарядных ящиков, один автомобиль, две мотоциклетки и 93 вола³⁰. К началу декабря 1916 г. Первая сербская дивизия была окончательно отведена в тыл и расквартирована в районе Одесса–Вознесенск–Березовка.

Поражение под Добруджей отрицательно сказалось на моральном состоянии рядовых солдат-участников боёв. «После разгрома 1-й дивизии, все те раненые добровольцы, у которых был такой прелестный дух, не только не выражали желания идти на фронт, но открыто говорили, что они поступили добровольцами, желая бороться на границах своего отечества, а не усеивать своими костями Добруджу», – говорилось в рапорте генерала Чистякова, назначенного в конце 1916 г. штабом Юго-Западного фронта проверить положение вещей в сербских полках [1, с. 173]. Рассказы об ужасах добруджанских боёв вызвали волнения среди вновь поступивших добровольцев Второй дивизии, прежде всего хорватов и словенцев, не желавших идти на фронт. Так, 22 октября 1916 г. в 4-ю роту V полка явились три беглых нижних чина Первой дивизии и стали рассказывать «об ужасах боёв и колоссальнейших потерях дивизии в Добрудже. Среди большинства людей 4-й роты (главным образом хорватов и словинцев) начались разговоры о том, что если должны погибнуть во что бы то ни стало, то лучше погибнуть здесь, в Одессе» [1]. В конце ноября 1916 г. командир второй дивизии полковник Димитриевич направил генералу Живковичу рапорт о попытке дезертирства солдат, в котором отражается паническое настроение, царившее в казармах сербских дивизий после добруджанских боёв, усугублявшееся самыми невероятными слухами. «В третьем батальоне 7. пех. полка между 8 и 9 ноября с.г. случилось совместное удаление из команды, сделанное 1 фельдфебелем, 4 младших унт. офицерами, 17 ефрейторами и 196 рядовыми, разных рот этого батальона. Удаление приготовлено агитацией с этим паролем:

- 1) Русские власти принимают дезертиров и возвращают их на прежние места, откуда и прибыли;
- 2) Существует приказ по сербскому корпусу, чтобы инвалидов, которые не имеют семейства в России, возвратить на позицию и там застрелить, чтобы дольше не мучились;

²⁹ Там же. Д. 458. Л. 4.

³⁰ Там же. Л. 7.

- 3) Германцы, без сомнения, победят;
- 4) Сербия и Румыния побеждены и не будут больше существовать как самостоятельные государства;
- 5) Китай объявил войну России и выставил против неё 5 мил. людей;
- 6) Семейства добровольцев будут уничтожены;
- 7) Большинство офицеров примкнет к беженцам.

Около 10 часов вечера, эти люди, хотя заблаговременно было известно об их намерении удалиться и приняты нужные меры, всё-таки успели выйти из деревни и направились к Одессе. Козаки, посланные за ними, настигнув их в поле, угрозой оружием, успели вернуть их в деревню, где их засадили под арест. Кроме этих собиралось уйти ещё два с половиной взвода, но им не удалось уйти. При этом один из беженцев ранил одного добровольца. Найдено также несколько патронов, неизвестно кому принадлежавших» [1, с. 197].

Чтобы исправить положение, командование корпуса прибегло к нестандартным мерам, учредив при корпусе особое учреждение – «Воспитательную команду». В рапорте начальнику штаба Одесского военного округа от 7 ноября 1916 г. необходимость её создания полковник Кушакович объяснил следующим образом: «Формирование II дивизии показало, что большой процент военнопленных югославы охотно вступают в ряды Сербского добровольческого корпуса после полного и всестороннего их осведомления о целях и задачах югославянского добровольческого движения. Но помещения и условия, в которых пришлось работать при формировании II дивизии, показали, что необходимо принимать прибывающих военнопленных в особом помещении, осведомлять их и после изъявления ими согласия передавать их в роты запасного батальона. В виду изложенного мною сделано распоряжение о переводе чинов запасного батальона, которые принимали прибывающие транспорты, в казармы пробочного завода – в воспитательную команду. Там военнопленные будут воспитываться в национальном духе от 8 до 30 дней, после чего упорствующие будут передаваться воинскому начальнику для возвращения их обратно в плен. Как видно, воспитательная команда не есть новая часть, а тот же самый запасной батальон, с одной лишь разницей, что он впредь будет продолжать свою работу по приниманию добровольцев в самостоятельном, отдельном помещении»³¹.

Однако до российских военных властей вскоре стали доходить сведения о том, каким именно образом добровольцы воспитывались в этом учреждении «в национальном духе». В январе 1917 г. Штаб Одесского военного округа получил из Петрограда телеграмму: «В штаб Верховного Главнокомандующего поступило заявление австрийских военнопленных хорватов и словенцев, состоящих в третьей роте шестого полка, которые жалуются на то, что они по принуждению должны были вступить в Сербские добровольческие части, причём указывают,

³¹ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 506.

что они не знают для какой цели там находятся, так как ещё в мирное время были злейшими врагами сербов, и заявляют, что они никогда не забудут дурного обращения с ними в Одессе; сербы их били прикладами и многих забили до смерти. Далее говорится что они поклялись воспользоваться правом просьбы о расследовании и помощи, путём отправления их на работы и указанием на то, что они были и будут австрийскими патриотами, а с сербами останутся навеки злейшими врагами»³².

Пик беспорядков пришёлся на 23 октября 1916 г., когда в казарме 1-го батальона 5-го пехотного полка 2-й сербской добровольческой дивизии в драке «между вновь прибывшими добровольцами разных юго-славянских народностей на почве религиозной розни и политических взглядов» пролилась кровь и была сделана неудачная попытка захватить оружие, во время которой «в происшедшей при этом свалке оказалось тринадцать человек убитых и задавленных и трое раненых». Резонанс этого события был настолько сильным, что Эбелов был вынужден сделать доклад о произошедшем лично для Николая II [1, с. 147]. Приведём составленный для командира Второй сербской дивизии судебным следователем капитаном Радуловичем рапорт, из которого явственно видны как истинные причины произошедшей в тот день трагедии, так и моральный климат, царивший в казармах Второй дивизии:

«В день 23 октября сего года около 10 часов дня командир 1-го батальона V полка подполковник Владимир Милошевич, делая свой недельный осмотр батальона, осмотрел 4 роту своего батальона, помещавшуюся в «Пробочном заводе» на Сл. Романовского, где помещается весть батальон.

При входе в помещение 4-ой роты поздоровался с солдатами «Здорово братцы» («Помози бог, войници»). На привет никто из солдат, которые в помещении были, не ответил.

Командир батальона сделал вид, что этого не замечает и продолжал осмотр, а дежурному офицеру по батальону, который как раз был взводный офицер этой роты, подпоручику добровольцу Божо Турини (хорват) приказал узнать позже, при удобном случае и хорошим способом, какие причины этому.

В полдень того же дня около 50 солдат этой же роты не хотели принять пищу (завтрак). Когда дежурный офицер, подпоручик Турина, пришёл в роту узнать причину, солдаты ему ответили, что они не желают сербского завтрака, а желают вернуться в плен. Это своё желание они поддержали криками «Да здравствует Австрия! Долой Сербия! Долой король Пётр!».

Дежурный офицер, связывая это с отказом ответа на приветствие сего дня, приказал сейчас «сбор» этой роты во дворе казармы. Таким образом он хотел найти и арестовать зачинщиков этого движения, а также и отделить их от ружей, так как ему казалось, что многие из солдат заняли угрожающее положение.

³² Там же. Л. 116.

На команду «сбор» никто из солдат не вышел во двор, а наоборот, они ещё демонстративно топтали ногами при вторичной команде «сбор», отданной дежурным офицером.

Тогда дежурный офицер пошёл в 1-ю роту того же батальона, взял девять вооружённых солдат для охранения пирамиды с ружьями 4-ой роты, чтобы ни один солдат этой роты не мог взять винтовки.

Когда дежурный офицер пришел в 4-ю роту с этими людьми и поставил часовых кругом оружия, бунтовщики закричали: «Скорее берите ружья» и побежали к пирамиде, чтобы взять винтовки.

Шесть человек бунтовщиков успели отнять у часовых ружья. Другие шесть человек из бунтовщиков вынули ружья заранее и спрятали под постелями. После этого все атаковали с оружием в руках и свалка началась. Гул и крики при этом слышны были далеко во всяком углу казармы и двора.

Услышав этот шум, фельдфебель 2-ой роты, которому дежурный офицер ещё раньше приказал на всякий случай иметь под рукой 25 вооружённых солдат своей роты, прибежал с этими людьми по собственной инициативе к месту борьбы, чтобы восстановить порядок. В этот же момент фельдфебель 1-ой роты пришёл со всей своей ротой. Он также по собственной инициативе, видя эту борьбу, приказал роте взять оружие и пришёл восстановить порядок. Не имея возможности дойти до места беспорядка по большой лестнице, которая была загромождена солдатами, фельдфебель взломал двое дверей и через мостик, соединяющий помещения его роты с помещением 4-ой роты, пришёл за спину бунтовщиков.

Всё это длилось около получаса (приблизительно между 13 1/2 и 14 часами дня), а стихло, когда больше ни одного из бунтовщиков не было в помещении 4-ой роты. Все они (оставшиеся живыми) удрали по большой лестнице или на крышу.

В течение этого времени, на большой лестнице (которая ведёт во двор) случилась катастрофа. На лестницу побежали как бунтовщики, так и другие невинные и перепуганные солдаты, которые хотели убежать с места свалки. На этой лестнице был хаос. Солдаты в общей суматохе толкали друг друга всё больше и переходили через упавших им под ноги. Под огромным давлением перила на лестнице сломались и многие полетели с высоты второго этажа на пол. Так как на полу было разбросано старое фабричное железо и строительные дрова, многие из упавших на месте падения остались мёртвыми. Кроме того, следующие при падении надавливали предшествующих упавших.

В этой катастрофе погибло 10 людей, задавленных и убитых при падении. Из этих пять человек бунтовщиков (хорват) и пять человек невинных (четыре хорвата и один серб).

Легкораненых пять - один серб, четыре хорвата, которые вылечились и теперь несут службу. В самой свалке погибло трое - два хорвата бунтовщика и один серб. Двое тяжело ранены и оба хорваты. Все убиты и ранены холодным оружием.

Сейчас после этого, дежурный офицер арестовал 13 человек хорватов бунтовщиков, их по приказанию русских властей возвратили в плен.

В течение всего этого времени в казарме из офицеров был только подпоручик-доброволец Божо Турина, в качестве дежурного по батальону офицера. Остальные офицеры батальона ушли в город завтракать.

Полковой и батальонный командиры немедленно были уведомлены о происшедшем случае и прибыли из города на место происшествия около 3 1/2 часов дня, когда в казарме всё уже было кончено и порядок восстановлен.

Изложив самый ход события честь имею донести до сведения начальнику дивизии ещё об причинах, которые, по моему мнению, довели до этого:

1. Основное желание всех пленных сберечь свои жизни. Это и есть причина тому, что они покидают своё отечество и изменяют своей присяге и сдаются противнику. Это чувство руководило этими бунтовщиками, а огромные потери 1-ой дивизии задали им тон.

2. Достаточное и удобное житьё в плену. Они в качестве пленных жили довольно свободно и делали, что им было угодно. Зарабатывали они между тем, гораздо больше, чем получают добровольцы. Многие из них даже спаивались с хозяйками домов, где работали, так, что даже детей нажили.

3. Факт, что не желающие поступить в ряды добровольцев отосланы на прежние места, где их ждали любовницы и удобная жизнь. Чтобы это прекратить, было бы необходимо, согласно моему мнению, ходатайствовать перед русскими властями, чтобы все югославыне, которые изъявили нежелание поступить в ряды добровольцев, не отсылались бы на прежние места в плен, а в рудники на работу, чтобы почувствовали наказание и раскаялись за свой изменнический поступок по отношению к югославянской идее³³.

Вопрос об избиениях и беспорядках во Второй дивизии получил общественный резонанс после того, как поручик 3-го полка Первой сербской дивизии словенец Гаспар Пекле поделился этими сведениями с редактором газеты «Югославия» Г. Тумой. На основании полученных от него сведений, 31 октября 1916 г. Г. Тума вместе с находившимся тогда в России хорватским публицистом, основателем общества «Юрий Крижанич» К. Геруцем написали письмо тогдашнему министру иностранных дел России Штюрмеру, в котором не только указывались случаи избиения добровольцев сербскими офицерами, но и подчёркивалось стремление югославын служить не в чисто сербском, а именно в «югославском» батальоне³⁴. Отметим, что на действия общества «Юрий Крижанич», а также хорватских и словенских националистов, группировавшихся во-

³³ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 6. Д. 213. Л. 171–173.

³⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л. 6–7. Русско-хорватское общество «Юрий Крижанич», идеей которого стало объединение и слияние всех славянских народов, было создано в Москве в 1915 г. Помимо Геруца, видными деятелями общества были чех Коничек, хорват И. Гарапич и словенец Г. Тума. В 1916 г. Геруц создал в Москве общество «Югославия», а Тума основал в Петрограде газету с аналогичным названием. О Крунославе Геруце см. подробнее: Ващенко М.С. «Хорватский консул» в Петербурге // Родина, 2010, № 4. С. 59–62. Пекле, судя по всему, в феврале 1919 г. вступил в ряды чехословацкого корпуса и стал сражаться против советской власти. См.: [11. С. 257–258].

круг его руководителей Геруца и Тумы. в связи попытками дискредитации корпуса, особое внимание обратил сербский историк Н. Попович. Он указывает, что «русско-хорватское общество «Крижанич» направило командиру корпуса меморандум о беспорядках в сербском добровольческом отряде и с критикой командования корпуса с политической и национальной точки зрения» [10, с. 291]. Поскольку, как замечает исследователь, М. Живкович не счёл возможным вступать в дискуссию с этим обществом, ответ был написан одним из членов Югославянского комитета Франьо Поточняком, обвинившим составителей меморандума в необъективности и подтасовке фактов [10]. В этом же контексте историк интерпретирует письмо Пекле, отмечая, что находившийся в Петербурге известный хорватский общественный деятель и публицист К. Геруц «в неких своих корыстных целях сделал попытку ознакомить с его содержанием российского императора» [10, с. 293]

Российские власти, тем не менее, вынуждены были запустить маховик расследования. На основании этого письма 3 (16) ноября 1916 г. министр иностранных дел Б.В. Штюрмер обратился к Алексееву с просьбой провести по данному вопросу следствие, ведение которого было поручено упоминавшемуся выше генерал-лейтенанту С.Д. Чистякову, состоявшему в распоряжении главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Сделанные им выводы были весьма категоричны: «Случайно собранная масса естественно находилась в дисгармонии. Хорваты и словенцы заявляли, что они вовсе не «сербы», а католики и до того, к чему стремятся сербы, им дела нет, – отмечал он в рапорте. – Было бы совершенно неоправданным утверждать, чтобы при югославянской горячности и в такой обстановке не было брани, ссор, драк, ударов и даже поранения и убийств. Последние явления имели место среди югославян, которые отказывались от поступления в сербский добровольческий корпус, в более или менее резкой форме, с большим или меньшим влиянием на остальных, прибывших с ними югославян. Побои проводились самими же солдатами (действительными добровольцами) в отсутствие офицеров, главным образом по ночам. Избивались хорваты и словенцы, наиболее враждебно настроенные против сербов. Бывали случаи, что сами караульные били и отбирали деньги у арестованных» [1, с. 202].

В начале февраля 1917 г. в штабе Юго-Западного фронта пришли к выводу, что «рассчитывать на достаточный приток добровольцев для формирования 2-й сербской дивизии не представляется возможным», и «что следует озаботиться лишь надлежащим укомплектованием кадров 1-й сербской дивизии» [10, с. 208]. Всего, по данным на февраль 1917 г., в двух дивизиях находилось: из сербской армии прибыли 72 штаб- и 104 обер-офицеров, 1 генерал (сам М. Живкович) и 176 офицеров, добровольцев-офицеров из военнопленных в корпусе служило 661 человек. Всего же в Первой дивизии было 470 офицеров, во 2-й дивизии 256, ещё 82 офицера служили в запасном и 30 в корпусном управлении [10, с. 223].

Отметим, что заявления о бесчинствах во Второй сербской дивизии поступали и от русских чинов, которые, помимо того, подчёркивали пренебрежительное отношение её офицеров к российским военнослужащим и чиновникам. Так, квартирмейстер пехотного полка Второй дивизии доносил о поведении сербских офицеров при переводе в Орехов. Командир полка приказал поручику Паичу обеспечить офицеров квартирами в Орехове. «По прибытии выяснилось, что квартир нет. На вопрос Паичу русскими офицерами, – где наши квартиры? Тот ответил – вы, русские, ищите сами квартиры. И здесь я заметил полное недоверие и презрение к русским офицерам». Особенно в рапорте отмечалось бесчинство заведовавшего в Орехове хозяйством капитана Танасковича, «который славился в полку сильными кулаками и ужасными побоями». Далее в рапорте сказано: «Здесь действовал дисциплинарный порядок. Солдат били, изнуляли голодом, держали зимой в затворе в холодных и сырых погребках, – а последние, дабы спастись убегали куда попало. Капитан Танаскович получил от командира полка полную силу и власть и начал бить всех как палач, несмотря на нас, русских». Поведение этого офицера было оскорбительно по отношению не только к собственным солдатам, но и к русским чинам: «Когда прихожу к нему с докладом, он тогда встает и кричит, ругаясь: «Еби майку вашу», – т.е. «еб. твою мать», чего я не достоин как русский чиновник в своей родной земле, перед каким-нибудь гостем», – эмоционально писал тот же русский квартирмейстер Второй дивизии³⁵.

Не случайно с именем этого офицера связана трагедия, произошедшая 10 ноября 1916 г. в селе Мариинское, где были расквартированы солдаты и офицеры Второй дивизии. Поздним вечером того дня патруль 1-ой роты VII-го полка нашёл убитым около своей квартиры капитана-добровольца Штольфа, который «по общим отзывам, был очень симпатичный, добрый, уравновешенный человек, у которого не могло быть недоброжелателей ни среди воинских чинов, ни среди жителей с. Мариинского». Причём квартира убитого капитана располагалась в доме, «где проживает местный урядник Дикасов. В задней части того же дома помещается 12 человек нижних чинов I-й роты полка». В ходе начавшегося расследования этого инцидента, выяснилось, что «лично в отношении Штольфа нижние чины не могли питать вражды, но убийство его могло явиться или вообще протестом против поддерживаемого офицерами полка режима, причём безразлично было, кого именно убить, или же Штольфа был убит по ошибке, будучи принят в темноте за одного из офицеров, особенно нелюбимых солдатами. Скорее всего покойного могли принять в темноте за командира I роты капитана Танасковича, который был почти одного роста с убитым Штольфом (оба высокого роста) и ежедневно заходил в казарму, помещавшуюся в том доме, где живет урядник. По отзывам офицеров полка, Танаскович отличается строгостью и солдаты могли быть враждебно к нему настроены»³⁶. Само расследование пре-

³⁵ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 442. Л. 78–79 (так в тексте – Я.В.).

³⁶ Там же. Оп. 6. Д. 213. Л. 160–161 (об).

ступления велось спустя рукава и вскоре было вовсе прекращено, а командование сербского корпуса сделало всё, чтобы не предавать этот случай широкой огласке. Убийцы несчастного капитана так и не были найдены.

Не всегда гладко складывались отношения солдат и офицеров корпуса с местным населением, которое жаловалась на мародёрство и другие бесчинства. Среди офицеров-добровольцев нередки были случаи пьянства и нарушения воинской дисциплины. Так, предметом громкого расследования стало поведение офицеров Второй дивизии, чехов по национальности, которые в том же селе Мариинское устроили пьяную оргию в арендовавшейся ими квартире немки-колонистки. Предметом расследования стало не столько поведение, сколько обвинение офицеров осквернении висевших в доме портретов Николая II и членов императорского дома. Рапорт, составленный по результатам расследования командиром Второй сербской дивизии полковником Димитриевичем, гласил:

«Ночью 20/21 декабря 1916 г. в селе Мариинское в квартире запасного артиллерийского подпоручика Ярослава Чеха пьянствовало три офицера-добровольца из VII пехотного полка сей дивизии затем и сделали беспорядок. Дознанием, которое предпринял командир VII полка 21 декабря утром, а также произведенным мною 31 декабря и 1 января 1917 г. дознанием в с. Мариинском на месте совершившегося беспорядка утверждено следующее: пьянствовало всего три офицера-добровольца, по национальности чехи. Они называются: Иосиф Бартош, студент техники; Станислав Ситенский, студент агроном и Иосиф Добияш, студент медик. Бартош и Ситенски пехотные офицеры, а Добияш санитарный подпоручик.

Пьянствование началось около 9 часов вечера и протянулось приблизительно до 4 часов утра. Подпоручик Ярослав Чех, по национальности тоже чех, в этот вечер был болен глазами и чувствовал себя усталым и потому не хотел веселиться со своими товарищами чехами, а с ужина пошёл на другую квартиру, и там ночевал. Подпоручики Бартош, Ситенски и Добияш выпили очень много вина и были очень пьяны, когда помянутый беспорядок сделали. Начиная с полночи и до конца своего пьянства они сделали в комнате большой беспорядок, так напр.: разбили стаканы, из которых пили, а также два больших портрета (отца и мужа домохозяйки Франциски Карловной Бауер), которые были в рамах и повешены на стене. Эти портреты они сняли, порвали и бросили на пол, а стекла и рамы поломали. Одну маленькую фотографию [Бауерову] которая висела на стенке тоже сняли, порвали и бросили на пол. Открыв чемодан подпоручика Ярослава Чеха, вытащили из него все вещи и разбросали по полу.

Двери, которые находятся между комнатами подпоручика Чеха и г-жи Франциски выбили и бросили в её комнату, а стёкла на этих дверях побили. Один маленький стол поломали и его тоже бросили в её комнату. И наконец, найдя револьвер подпоручика Чеха, и из него сделали около десяти выстрелов тут же в комнате. Четыре выпущенных пули попало в стенку выше дверей, ведущих в комнату хозяйки, а две в пол, возле кровати.

Около часу ночи прислуга домохозяйки Паулина Витальевна Вайсенбургер, услышав шум в комнате Чеха, побежала к сельскому уряднику и попросила его прийти и успокоить пьянствующих. На это ей урядник сказал, что он тут не имеет никакого дела.

В комнате подпоручика Чеха выше его кровати висели два портрета царя Николая II и царицы Александры Фёдоровны. Оба эти портрета остались висеть на стенке, как и висели, несмотря на то, что они втроём, по своему признанию, снимали со стенки и целовали в знак любви и преданности русскому царствующему дому и общему славянскому делу.

На этажерке, которая находится возле дверей, ведущих в коридор, находились портреты царя Николая II, царицы Александры Фёдоровны и наследника Алексея. Этих портретов именованные не трогали, так как их внимание было обращено на те большие портреты царя и царицы, о которых была речь выше.

Утром 21 декабря прислуга Паулина, как она рассказывает, нашла на полу портрет царицы порванным. Она заявляет, что этот портрет порвали названные офицеры, но она не видела, когда они его рвали. Офицеры же заявляют, что они эту фотографию не рвали и что они убеждены, что фотографию порвала и на пол бросила сама хозяйка Франциска, которая по национальности немка. Офицеры предполагают, что г-жа Франциска это сделала из ненависти к ним, как австрийцам, которые теперь борются с нами против Австрии. Также заявляют, что такую пакость они не были бы в состоянии сделать ибо принадлежат к числу тех одушевлённых славян, которые всеми своими поступками до сего времени доказали, что за славянство готовы свою жизнь отдать»³⁷. По итогам следствия офицеры были разжалованы и отправлены обратно в плен.

Приведём ещё один документ такого рода – эмоциональное письмо женщин окрестных сёл Одессы, где были расквартированы части корпуса, направленное генералу Эбелову в конце декабря 1916 г. (особенности орфографии и пунктуации документа сохранены): «С покорнейшей просьбой обращаемся к вашей милости и просим вас избавить нас от этих сербских офицеров, которые по деревням ведут страшный развратный образ жизни, когда они были в городе это было может быть не так заметно как у нас в деревне. Это что то ужасное, они кушают, приводят женщин из города и дни у них проходят в бесконечных оргиях и это на глазах молодых девушек и детей, так как почти в каждой семье есть взрослые или подростки. У нас нет защиты, ружья и отцы наши все на войне. Во на днях одна девушка стрелялась в квартире офицера его же револьвером в деревне Дальник. Солдаты, если им не даешь, поломают двери, заборы, и жгут. Наши солдаты этого никогда бы не сделали, а эти проклятые австрийцы только форму носят сербскую, им доставляет удовольствие делать нам русским вред, и для чего их здесь держат, кормят и одевают и от ничего не делания они бездельничают, а наши бедные солдатики там далеко страдают. Покорнейше просим Ваше

³⁷ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 6. Д. 213. Л. 44–44 (об).

Превосходительство войти в наше положение беззащитных женщин, и дать зависящее о вас распоряжение. Страдающие женщины от их безобразий»³⁸.

Отметим в этой связи, что в ходе упомянутого нами расследования убийства капитана Штольфа было выяснено, что «по словам местных пристава и урядника, нижние чины неоднократно избивали в ночное время прохожих, даже обходных, вследствие чего колонисты (имеются в виду этнические немцы-переселенцы – Я.В.) с наступлением сумерек не рискуют появляться на улицах». А кроме того, после 8 часов вечера местным жителям, во избежание неприятностей, вообще было запрещено выходить из дому³⁹.

Столь же показательно заявление, поданное несколько позже, 16 мая 1917 г. членом РСДРП, старшим врачом 4-го полка Первой сербской дивизии Гавриилом Константиновичем в Совет офицерских и солдатских депутатов г. Одессы. В нём указано на многочисленные бесчинства солдат корпуса по отношению к местному населению, а также приведены нелестные высказывания офицеров и солдат корпуса о России и русских: «К русским солдатам и офицерам относились с презрением. Они говорили, что русские офицеры – извозчики, а русские солдаты глупые и идиоты и что один сербский солдат стоит 17 русских (это говорили офицеры 4-го полка, известный чемпион-палач 1-ой сербской дивизии майор Хаджич⁴⁰, командир 3-го батальона, подполковник Цветич, командир 2-го батальона, известный пьяница и развратник, поп Гиок Попович, который грабил в Добрудже от румынских крестьян разных продуктов для полка, а продавал полку за деньги». В рапорте особо подчёркнуто, что «к революции сербские офицеры относятся враждебно. Они говорят: арест нынешнего великого покровителя и защитника идеи Великой Сербии есть величайшее несчастье для нас и для сербского народа и кто арестовал нашего покровителя – это сволочь, совет рабочих и солдатских депутатов, скоро мы им покажем. В этой дряни, (т.е. совете рабочих и солдатских депутатов) находится 3000 шпионов», – кричал начальник штаба 1-й дивизии Белич» [2, с. 480–483]. Вывод автора письма был очевиден: корпус – это контрреволюционная структура, поэтому его необходимо разоружить, сербских офицеров отправить в Салоники, а солдат в Сибирь на работы.

Нередкими были личные конфликты между русскими чинами и офицерами сербского корпуса, по большей части вызываемые с несоблюдением субординации при отдавании чести. В октябре 1916 г. Живкович вынужден был издать специальный приказ о том, «чтобы все офицеры Сербского добровольческого корпуса, не обращая внимания на старшинство чина, отдавали честь русским офицерам при встрече на улицах и иных местах, не ожидая, чтобы, хотя и младший чином, русский офицер первым козырнёт»⁴¹.

³⁸ РГВИА. Ф.1837. Оп. 6. Д. 213. Л. 241.

³⁹ Там же. Л. 161.

⁴⁰ Стеван Хаджич - известный сербский генерал и государственный деятель Югославии.

⁴¹ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 470.

Стоит указать, что многие офицеры действующей русской армии относились к своим славянским братьям по оружию с подозрительностью и недоверием, по-прежнему считая их врагами. Подтверждением тому может служить рапорт на имя начальника Первой сербской дивизии от 31 мая 1916 г., поданный сербским офицером ротмистром Петровичем. В рапорте описан инцидент, произошедший с поручиком в кафе «Фонконе». К сербскому офицеру подошёл «подпоручик русской армии и представился, спрашивая, какой это я знак ношу на груди, – я ему ответил, что это знак Николаевского Кавалерийского училища, которое я кончил в 1910 г., после чего уехал в Сербию и поступил в сербскую кавалерию. Подпоручик начал пристально смотреть на меня и, усмехаясь, сказал, что ненавидит всех сербских офицеров вместе с их начальником дивизии, который ничего не смыслит в русском языке, повторяя несколько раз: “Да, я вас ненавижу”. На это я ему ответил, что до его мнения мне, а также всем сербским офицерам нет никакого дела, но мне неприятно слышать эти слова от русского офицера. Не обращая внимания на мои слова, подпоручик начал мне говорить, что он меня знает с 1914 г., когда он дрался против меня на Карпатах, что он ещё нескольких офицеров встретил, которые были на Карпатах против него, что он служил честью Его Императорскому Величеству, что он старый служака и что уже год как проводит в траншее». Сербский ротмистр возразил, что это ошибка, он не военнопленный, а «настоящий серб» и «провёл эту войну в траншее, не считая трёх предыдущих войн». «Если это так, то я извиняюсь перед вами, но остаюсь при своём мнении, относительно остальных офицеров», – ответил русский офицер сербу, повторив, что их ненавидит. Петрович выговорил обидчику: «Никакого дела сербским офицерам нет до вас, а мне в частности, и никакого мне вашего извинения не нужно, только меня удивляет ваша наглость, раз вы можете подойти к старшему от себя офицеру иностранной союзнической армии и выражать своё негодование. Считая это большим нахальством, я думаю, что если бы это слышали ваши товарищи – русские офицеры, то они бы осудили ваш поступок. Будьте уверены, г. подпоручик, что если бы вы приехали в Сербию, уверен, что вы во всё время своего пребывания там никогда не были бы изложены таким неприятностям, тем более в это несчастное время, когда нам, изнурённым после трёх войн, пришлось было подлечь натиску многочисленного врага»⁴².

Пришедшее после февральских событий 1917 г. к власти в России Временное правительство, ссылаясь на экстерриториальность сербского корпуса, самоустранилось от решения его дальнейшей судьбы. Эта мысль прослеживается в депеше ставшего министром иностранных дел П.Н. Милюкова, направленной на Корфу поверенному в делах при сербском правительстве Б.П. Пелехину 14(27) апреля 1917 г.: «Считая вопрос об установлении тесных дружественных отношений между сербами и их сородичами хорватами и словенцами, входящим в

⁴² РГВИА. Ф. 1837. Оп. 6. Д. 213. Л. 103–104.

область внутренней жизни всего сербо-хорвато-словенского народа, мы не находили бы возможным при настоящей политической обстановке, вмешиваться в него слишком активно, но, конечно, не отказываемся в пределах возможного от примирительной посреднической роли»⁴³. Такая позиция нового министра, известного болгарофила, имевшего репутацию ненавистника сербов, вызывала у командования корпуса серьёзные опасения не только за его судьбу, но и за реализацию заветной идеи Великой Сербии, усиливая неприятие событий Февральской революции в среде сербских офицеров. Напротив, многие офицеры-добровольцы позитивно отнеслись к событиям в Петрограде, поскольку их чаянием было создание Югославии по федеративной модели. Так, в меморандуме М.В. Алексееву от 21 мая 1917 г., составленном от имени офицеров и солдат корпуса уже упомянутым нами Пекле и офицером-добровольцем Шовари, было написано: «Наши старания были напрасны. Сначала обмануты разными обещаниями и указаниями на препятствия державноправного и дипломатического характеров (будто Россия не признаёт югославянского названия, потому что югославянского государства нет, а где же Чешско-Словацкое государство?), мы, в конце концов, убедились, что мы не служили нашему идеалу, но империалистическим и завоевательным стараниям сербской мегаломании» [7, с. 39].

Будущее корпуса не вызывало оптимизма ни у переживавших хаос русской революции высших российских военных и политических кругов, ни у его солдат и офицеров. К лету 1917 г. дисциплина упала до катастрофического уровня, общее состояние сербских дивизий было близко к абсолютной анархии, усугублявшейся межнациональными столкновениями. По сведениям, которые представили Ставке те же Пекле и Шовари, «из сербского добровольческого корпуса вышло до 3 мая около 120 офицеров, 41 юнкер и около 6 000 солдат югославян. Офицеры, исключая двух сербов, – по национальности хорваты и словенцы»⁴⁴. Из этого числа больше половины участвовали в боях за Добруджу⁴⁵.

Тем не менее, командование корпуса продолжало настаивать на том, что главная причина беспорядков – это деятельность Геруца и Тумы. События русской революции способствовали именно такому простому объяснению произошедших событий, поскольку беспорядки в корпусе оказалось легко «списать» в том числе и на покровительство хорватам бывшего царского министра Штюрмера, чьё имя после событий февраля 1917 г. стало ругательным. Эта мысль прослеживается в меморандуме о беспорядках в корпусе, составленном Живковичем 23 апреля 1917 г., т.е. спустя три месяца после завершения следствия Чистякова. В нём прямо указывалось, что конфликт был вызван «влиянием внешним, которое находится вне сферы влияния корпуса», к тому же «из документов, найденных в архиве бывшего министра Штюрмера, видно, что он старался всеми средствами заключить сепаратный мир с Австро-Венгрией. В

⁴³ РГВИА.Ф. 2003. Оп. 1.Д. 686. Л. 67–67 (об).

⁴⁴ РГВИА. Ф. 2003. Д. 686. Л. 118.

⁴⁵ Там же. Л.118.

рамках осуществления этого плана входило ещё и расформирование Сербского корпуса и Чешко-Словацкой бригады» [1, с. 256–259]. Живкович сообщал, что недовольные офицеры «по данному Геруцем сигналу и под его руководством» выставили некие условия командованию корпуса, в том числе его переименование в Юго-Славянский и выделение «солдат хорватов и словенцев от сербских в отдельные полки, во главе которых будут стоять офицеры только хорватской и словенской народности. На веру должно быть обращено и не смешивать католиков с православными. Этот отряд никогда не должен считаться войском королевства Сербии, но считать его отдельным революционным войском Югославии», которое не должен впредь участвовать в боях на русском фронте. Живкович подчеркнул, что сербское правительство «пошло навстречу всем поставленным условиям за исключением последнего», а сербскому корпусу было дано название «Добровольческий корпус Сербов, Хорватов и Словенцев» [1, с. 268–269]. Такое решение было передано Живковичу от имени сербского военного министра Терзича. Особо оговаривалось, что «имя «Югославия» официально не будет применяться, ибо болгары, хотя и югославяне, но не с нами. Таким образом будут все удовлетворены, ибо сохраняется имя своих народов и племён. Если хорваты либо словенцы не довольны и желают выйти, передайте их русским военным властям, для поступления с ними по усмотрению: либо для возвращения в плен, либо для принятия их в свою армию, а с теми, которые останутся верными, образовать Сербский корпус»⁴⁶.

Распад Российской империи коренным образом повлиял на дальнейшую судьбу этого формирования. Из корпуса начался массовый отток добровольцев. В мае 1917 г. в штаб Одесского военного округа пришло указание военного министра А.Ф. Керенского, который «разрешил офицеров Сводного Добровольческого корпуса Сербов, Хорватов и Словенцев, отчисленных от названного корпуса и заявивших желание служить в русских войсках, назначить: офицеров первой дивизии, принимавших участие в боях Добруджи совместно с русскими войсками – на Румынский фронт, а офицеров, не принимавших участие в боях – на Кавказский фронт»⁴⁷. В этой ситуации Ставкой было принято решение о начале переброски частей корпуса на Салоникский фронт. Ещё в начале января 1917 г. через северный русский порт Романов было отправлено 28 офицеров и 1 157 нижних чинов. В конце августа 1917 г. из того же Романова предполагалось отправить ещё 266 офицеров и чиновников и 2880 нижних чинов – добровольцев 2-ой дивизии. При этом отправке в Салоники подлежал исключительно личный состав корпуса, без обоза, лошадей и оружия, которые надлежало сдать в г. Архангельске⁴⁸.

К началу августа 1917 г. в корпусе из 42 000 солдат осталось лишь около 18 000, бóльшая часть из которых к концу того же месяца по требованию гене-

⁴⁶ РГВИА. Ф. 1837. Д. 442. Л. 103.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 146.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 451. Л. 4–11.

рала Щербачёва должна была быть переброшена на румынский фронт, составив резерв 6-й армии [7, с. 45–46]. Однако переброска неоднократно откладывалась из-за недокомплекта личного состава и вскоре была отменена. Противоречивые распоряжения Ставки усилили неразбериху в руководстве корпуса, отрицательно сказываясь на его боеспособности.

На фоне начавшегося массового ухода из корпуса офицерского состава, офицеры-добровольцы стали формировать альтернативные «югославские» батальоны. 12 июня 1917 г. Гаспар Пекле, находясь в Могилёве, составил обращение к Верховному главнокомандующему с воззванием, в котором указал, что вышедшие из Сербского корпуса «словенцы, хорваты и сербы решили сформировать Югославянский добровольческий отряд, входящим впредь до заключения мира в состав русской армии»⁴⁹. В Дарницком лагере военнопленных под Киевом началась агитация по вступлению в его ряды. В свою очередь, после двух месяцев вербовки «офицерам-диссидентам» к концу лета 1917 г. удалось собрать в югославянский ударный батальон около 500 человек.

Эти действия вызвали естественный протест главы сербской военной миссии в России полковника Б. Лонткевича и генерала М. Живковича, пытавшихся, в свою очередь, организовать в той же Дарнице новый набор добровольцев в Сербский корпус, в том числе вновь приняв в его состав тех солдат, которые ранее его покинули. Именно такое поручение получил сотрудник Сербской военной миссии поручик Комненович, который в телеграммах Лонткевичу особо подчёркивал необходимость «ликвидировать эти новые формирования отрядов из югославян, в противном случае это будет иметь деморализующее и разлагающее действие на наши формирования в Одесском округе, а вместе с тем будет убивать престиж Сербии и возложенную на нее политическую миссию»⁵⁰. В свою очередь, глава сербской военной миссии, в посланной генералу Лукомскому 14 июля 1917 г. телеграмме подчёркивал: «Упомянутые офицеры – диссиденты, в свою очередь собирают между пленными добровольцев, будто бы для ударных батальонов, между тем их намерение формировать отдельный отряд югославян в противоположность уже существующему в Одессе, на основании соглашения русского с сербским правительством, добровольческому корпусу сербов, кроатов и словенцев». В этой связи Лонткевич обращался к русскому правительству с просьбой «создать возможность дальнейшего вербования добровольцев из пленных югославян и облегчить эту деятельность уполномоченным органам сербского правительства». Он при этом предлагал признать Корпус как единственную «организацию югославян, а именно состоящую под руководством официально существующего югославянского комитета, утвержденного всеми союзниками», а также удалить из Дарницкого лагеря всех бывших офицеров-диссидентов корпуса, тем самым лишив их «возможности своей злоумышленной и несоответствующей истине агитацией, влиять на вновь при-

⁴⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп.1. Д. 686. Л. 166.

⁵⁰ Там же. Л. 208.

бывающих с фронта пленных югославянской национальности, убеждая их не поступать в сербский корпус в Одессе, откуда впоследствии они будут отправляться в Солунь для пополнения сербской армии»⁵¹.

Терпению русских военных властей наступил предел. В середине августа 1917 г. генерал-майор Романовский издал распоряжение «всякую агитацию и дальнейшую вербовку» в альтернативные югославянские части прекратить, а сформированный «ударный батальон в 500 человек, включив в состав его офицеров диссидентов, производивших вербовку, а также 18 человек дополнительно заявивших комиссии Киевского военного округа о своём желании вступить в этот батальон» немедленно отправить на Юго-Западный фронт. В дальнейшем опрос военнопленных должна была проводить особая комиссия штаба Киевского военного округа, в состав которой должен был входить поручик Комненович. Приказ гласил: «сначала вербуются добровольцы в Сербско-Кроато-Словенский добровольческий корпус, вслед за тем путём опроса вызываются желающие поступить в русскую армию, далее желающие быть зачисленными в рабочие дружины, и, наконец добровольцы для пополнения потерь в ныне существующем ударном батальоне, коему присвоить название «Особый ударный батальон», не называя его «югославянский». Нежелающие служить должны были быть переведены на положение военнопленных и отправлены во внутренние округа империи, причём в приказе особо подчёркивалось запрещение ношения ими сербской военной формы»⁵².

В то же время собственную вербовку добровольцев начала другая группа сербских офицеров под руководством полковника А. Срба, заочно обвинённого на Салоницком процессе по делу тайной офицерской организации «Чёрная рука» («Объединение или смерть»). Уже после победы октябрьского восстания, в ноябре–декабре 1917 г. в Одессе Срб сформировал из бывших солдат корпуса батальон численностью около 200 человек, который в марте 1918 г. был перебросен в г. Мариуполь. Сам же Срб в ночь на 27 апреля 1918 г. был убит в Таганроге при до конца не выясненных обстоятельствах. Подразделение Срба возглавил майор М. Благодич, погибший в боях под Казанью летом 1918 г. Судьба этого подразделения, равно как и в целом участие сербских полков в событиях Гражданской войны 1918–1921 гг., является уже предметом отдельного исследования.

Заметим в этом смысле, что история Сербского корпуса являет собой пример своеобразного микромира, иллюстрирующий гибельность попыток создания «синтетического югославянства». При этом показательно, что именно в казармах корпуса впервые открыто взорвалась тикающая сербо-хорватская бомба, причём в момент, казалось бы, острой необходимости консолидации усилий двух народов для вооружённой борьбы с общим неприятелем за создание «общего» государства.

⁵¹ Там же. Л. 204–205.

⁵² Там же. Л. 239–240.

Таким образом, уже при обсуждении вопроса о создании новой страны было очевидно столкновение двух национальных концептов будущего югославянского государства: либо расширение границ Сербии за счёт присоединения к её территории населённых сербами частей Воеводины, Боснии, Славонии, части Далмации, либо «югосферическое» слияние в рамках общего государства Сербии и Хорватии, что могло произойти лишь в случае полного уничтожения Австро-Венгерской монархии и создания на её обломках искусственной наднациональной конструкции. К началу 1917 г. курс на создание именно югославской модели будущего государства стал проявляться всё отчётливее, причём среди не только балканских, но и российских политиков. 20 июля 1917 г. на острове Корфу между представителями сербского правительства и Югославянского комитета была подписана компромиссная декларация о создании государства сербов, хорватов и словенцев. Данная «югосферическая» система отвечала интересам Англии и Франции, стремившихся, в числе прочего, таким образом нейтрализовать политические амбиции в регионе своих конкурентов – Германии и Италии [1, с. 45–46]. Однако попытки строительства нового «югославского» народа обратились в трагедию двух Югославий XX в. И в этом смысле судьба сербского корпуса, к тому же тесно связанная с развалом Российской империи и становлением нового советского государства, стала своеобразным прологом трагической судьбы Югославии и её армии, изначально, ещё до своего официального оформления, обречённых на развал.

Список литературы

1. Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г. Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: сб. док. М.: Рос. ин-т стратег. исслед.; Рос. военно-историческое общество; Ин-т И. Андрича – Отдел истории (Сербия), 2014. 404 с.
2. Вишняков Я.В. Армия без государства: Сербский добровольческий корпус в России 1916–1917 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XVIII. М.: Модест Колеров, 2015. С. 443–487.
3. Ермолаев Д.А. Под Черняевским знаменем: Сербь в антибольшевистской борьбе на Русском Севере // Наука и бизнес на Мурмане: науч.-практ. журнал. 2005. № 3(48), тематический номер «Мурман – Сербия». С. 18–31.
4. Зеленин В.В. Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России 1917–1921. М.: Мысль, 1977. 252 с.
5. Каширин В.В. Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции русских войск за Дунай в 1916 году // Studia Balkanica (К юбилею Р.П. Гришиной). Сб. статей. М.: Институт Славяноведения РАН, 2010. 400 с. С. 139–179.
6. Милорадович Г. Карантин идей. Лагеря для изоляции «подозрительных лиц» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1919–1922 гг. М.: Regnum, 2010. 228 с.
7. Участие югославянских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов и материалов. М.: Наука, 1976. 542 с.
8. Югословенски добровољци у Русији 1914–1918. Београд, Udruženje dobrovoljaca 1912–1918, 1977. 423 с.
9. Петровић И. Српски добровољци 1912–1918. Бројке и судбина. Нови Сад, 2001. 151 с.
10. Поповић Н. Србија и Русија 1914–1918. Београд, Народна књига, 1977. 510 с.
11. Поповић Н. Губици 1 српске добровољачке дивизије у борбеним операцијама у Добруци 1916 године // Војно-историјски гласник. 2012. № 2. С. 145–152.

Об авторе:

Ярослав Валерианович Вишняков – д.и.н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России. 119454, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: vishnyakov@yandex.ru.

SERBIAN VOLUNTEERS AND THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917

Ia.V. Vishniakov
DOI 10.24833/2071-8160-2017-5-56-33-59

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: Using original documents from the Russian State Military Historical Archive, many of which are introduced for the first time, the author reveals details of creation and activities of the Serbian Volunteer Corps formed from captured soldiers and officers of the Austro-Hungarian army in Odessa in the Summer 1916. The same autumn it received a baptism of fire in Dobruja fighting in the separate corps of the Russian army under the command of General Zayonchkovsky. The research interest in studying the activities of “national” and “international” military units within the Russian army is connected with the question of expediency and effectiveness of using such forces against those for whom they have not so long ago shed blood. The author, contrary to the popular opinion of Serbian historians, shows that the call to join the First Serbian division did not arouse mass enthusiasm among the prisoners of war both Serbs and representatives of other Yugoslav nations because of well-founded fears for their close relatives living in the Dual Monarchy and a fairly comfortable stay in the Russian captivity. At the same time, the author emphasizes that this military unit, commanded by officers of the Serbian regular army, was considered by the political leadership of Serbia as the basis of the future armed forces of the new state of Yugoslavia. The article shows that the events of the Russian Revolution of 1917 influenced the future fate of this military formation. Many of its soldiers later found themselves on different sides of the front in the Russian civil war. A special attention is paid to the interethnic conflict erupted in the corps between the Serbs on the one side and the Croats and Slovenes on the other. The author introduces a significant body of primary documents showing the nuances of relations in the corps between representatives of various Yugoslav nations. The article emphasizes that the relationship of the Serbs, Croats and Slovenes within the corps became the prologue to the future tragic fate of the Yugoslav state and its army, which were doomed to eventually collapse.

Key words: The First World War, the Russian Revolution, Dobruja, Serbia, Serbian volunteer corps, M. Zivkovic, A.M. Zayonchkovskiy.

References

1. Vishniakov Ia.V., Timofeev A.Iu., Miloradovich G. *Armiiia bez gosudarstva. Ot serbskogo k iugoslavianskomu dobrovol'cheskomu korpusu v Rossii vo vremia Pervoi mirovoi voiny* [Army without state. From the Serbian to the Yugoslavian Volunteer Corps in Russia during the First World War]. Collection of documents. Moscow, Ros. in-t strateg. issled.; Ros. voenno-istoricheskoe obshchestvo; In-t I. Andricha – Otdel istorii (Serbiia), 2014. 404 p. (In Russian)

2. Vishniakov Ia.V. *Armia bez gosudarstva: Serbskii dobrovol'cheskii korpus v Rossii 1916–1917 gg.* [Army without State: Serbian Volunteer Corps in Russia 1916–1917]. *Russkii sbornik. Issledovaniia po istorii Rossii [Russian collection. Research on the History of Russia]*. Vol. XVIII. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2015. Pp. 443–487. (In Russian)
3. Ermolaev D.A. Pod Cherniaevskim znamenem: Serby v antibol'shevistskoi bor'be na Russkom Severe [Under the Chernyaevsky banner: Serbs in the anti-Bolshevik struggle in the Russian North]. *Nauka i biznes na Murmane: nauch.-prakt. zhurnal*, 2005, № 3(48), tematicheskii nomer «Murman – Serbiia», pp. 18–31. (In Russian)
4. Zelenin V.V. *Pod krasnym znamenem Oktiabria. Iugoslavianskie internatsionalisty v Sovetskoj Rossii 1917–1921* [Under the red banner of October. Yugoslav internationalists in Soviet Russia 1917–1921]. Moscow, Mysl' Publ., 1977. 252 p. (In Russian)
5. Kashirin V.B. *Pokhod v Dobrudzhanskuiu step': evoliutsiia zamysla, planirovanie i podgotovka ekspeditsii russkikh voisk za Dunai v 1916 godu* [The campaign to Dobrudzhansky steppe: the evolution of the plan, the planning and preparation of the expedition of Russian troops behind the Danube in 1916]. *Studia Balkanica (K iubileiu R.P. Grishinoi)*. Collection of articles. Moscow, Institut Slavianovedeniia RAN Publ., 2010. 400 p. Pp. 139–179. (In Russian)
6. Miloradovich G. *Karantin idei. Lageria dlia izoliatsii «podozritel'nykh lits» v Korolevstve serbov, khorvatov i sloventsev v 1919–1922 gg.* [Quarantine of ideas. Camps for isolating “suspicious persons” in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes 1919–1920]. Moscow, Regnum Publ., 2010. 228 p. (In Russian)
7. *Uchastie iugoslavianskikh trudiashchikhsia v Oktiabr'skoi revoliutsii i grazhdanskoi voine v SSSR. Sbornik dokumentov i materialov* [Participation of Yugoslav workers in the October Revolution and civil war in the USSR. Collection of documents and materials]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 542 p. (In Russian)
8. *Jugoslovenski dobrovol'ci u Rusiji 1914–1918* [Yugoslav volunteers in Russia 1914–1918]. Beograd, Udruženje dobrovoljaca 1912–1918, 1977. 423 p. (In Serbian)
9. Petrovih I. *Srpski dobrovol'ci 1912–1918* [Serbian volunteers 1912–1918. Figures and fate]. Brojke i sudbina. Novi Sad Publ., 2001. 151 p. (In Serbian)
10. Popovih N. *Srbija i Rusija 1914–1918* [Serbia and Russia 1914–1918]. Beograd, Narodna knjiga Publ., 1977. 510 p. (In Serbian)
11. Popovih N. Gubitsi 1 srpske dobrovol'achke divizije u borbenim operatsijama u Dobruđi 1916 godine [There was 1 Serbian volunteer division in combat operations in Dobrudja in 1916]. *Vojno-istorijski glasnik*, 2012, no. 2, pp. 145–152. (In Serbian)

About the author:

Yaroslav Vishnyakov – Doctor of historical sciences, professor of MGIMO-University. 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: vishnyakov@yandex.ru.